Нестеров А.В. Обсуждаем результаты «гармонизации терминологии, используемой в различных нормативных правовых актах» федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»*. М: РУДН, электронный препринт, декабрь 2020. 15 с.

Аннотация. Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» (2017 г.) подразумевает работы по гармонизации терминологии, используемой в различных нормативных правовых актах, в рамках цифровой трансформации. Особенно это стало важным в связи с цифровизацией законодательства и юридической деятельности с применением того, что называют «технологии искусственного интеллекта», а также «машиночитаемого и машиноисполняемого права». Проведен критический анализ терминологии в исследуемой теме и представлены научно-обоснованные предложения для развития цифровизации нормативного регулирования цифровой среды.

Ключевые слова. Терминология, цифровизация, архаизмы, инновации, технология, машиночитаемое право, продуцентный подход, онтология.

Предисловие. Препринт формально не является публикацией, поэтому в нем можно делать ссылки на тексты автора без учета требований того, что называется, само-цитирование [1]. Это необходимо, т.к. размер препринта ограничен, и читатель может получить аргументацию автора перейдя по ссылке. Подчеркнем, что ссылки на публикации не являются само-цитированием (нет цитат), и не учитываются в показателе цитируемости публикаций автора.

Введение. Начнем с того, что под цифровизацией будем понимать очередной четвертый этап автоматизации жизни-деятельности людей, в том

* Текст подготовлен при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

числе, юридически значимых ситуаций, что подразумевает цифровизацию законодательства и юридической деятельности [2].

В соответствии с Указом[1] сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В рамках этой программы в соответствии с Паспортом[2] должна быть: «1.9. Обеспечена гармонизация терминологии, используемой в различных нормативных правовых актах. Определены основные направления развития законодательства в целях его адаптации к цифровой экономике. Сформированы предложения по комплексному регулированию различными отраслями законодательства (гражданским, административным, уголовным, образовательным и трудовым и т.п.) направлений цифровой экономики. Определена организационная система сбора информации о качестве регулирования цифровой экономики и разработки, согласования и принятия соответствующих нормативных правовых актов». Ответственный за указанную работу стало Министерство экономического развития России, а позже Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.

Критический анализ. Анализ выдачи интернет-поисковиков по поиску наличия дискуссионных интернет-площадок институтов АН РФ или ВУЗов по рассматриваемой теме показал на их отсутствие. Результаты Министерства экономического развития Российской Федерации приведены на его сайте. Наибольший интерес представляет инициативный сайт Сколково с проектом Стандартопедия [3], на котором имеется проект «Концепция развития технологий машиночитаемого права». К обсуждению на ТРГ 19.11.2020 [4].

В рамках этой Концепции были предложены характеристики норм, которые могут быть переведены в машиночитаемый формат; сформулированы требований к нормотворчеству с целью обеспечения возможности перевода

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Паспорт Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» // СПС КонсультантПлюс.

норм права в алгоритмы. Была выделена сфера технического регулирования для преимущественного развития технологий машиночитаемого права.

Отмечено, что наибольшим потенциалом для перевода в машиночитаемый формат обладают документы в сфере технического регулирования и стандартизации по ключевым направлениям цифровой экономики, в особенности – стандарты в сфере обмена данными и контроля их содержимого.

Отмечено, что на первом этапе для реализации Концепции необходимо разработать, согласовать и обеспечить реализацию экспериментов, направленных на тестирование ключевых технологий машиночитаемого права, прежде всего: 1. Создание машиночитаемых терминологических справочников правовых терминов.

Необходимо заметить, что в материалах этого сайта и Концепции используются фразы: «машиночитаемое право», «автоматизация права», «цифровое право», что вызывает дискуссию по этому поводу.

О машиночитаемом праве. В недавно вышедшей монографии [5] имеется два заглавия «Машиночитаемое право. Автоматизация права: право как электричество». Хотя фраза «машиночитаемое право» встречается в иностранных источниках, И. В. Понкин [6] правильно заметил, что в них «поиск внятных объяснений сути формата и онтологии машиночитаемого права наталкивается в большинстве случаев или на пустоту, или на нечто маловразумительное».

Наверное, дискуссию о машинизации права как его цифровизации поднял А. А. Иванов [7], однако известно, что сразу с появлением идеи перцептрона Розенблатта [8], правоведы обратили внимание на возможность его использования в юриспруденции.

Хотя словосочетание «цифровое право» используется, сложно говорить о таком праве как совокупности нормативных правовых норм и институтов, регулирующих правоотношения, связанные с разработкой, продуцированием и использованием цифровых систем. Пока цифровые системы используются

юридическими субъектами как сложные, наукоемкие и автоматические информационные инструменты. Поэтому нет машинного, компьютерного, онлайн, интернет, автоматического, электронного, виртуального права, т.к. все разработки в области электронных устройств, программирования, автоматизации используются как информационные инструменты. Хотя на основе электронной среды интернет-инфраструктуры в рамках цифровой системы, метафорично называемой блок-чейн, могут автоматически функционировать смарт-контракты, они представляют собой данные и программы (программные данные).

Таким образом, не может быть «машиночитаемого и машиноисполняемого права», как уже нет таких «машин», а есть электронные устройства (смартфоны), «умные» дома, смарт-контракты. Использовать модную фразу «цифровое право» [9] также нет резона, т.к. известно информационное право, а метафора «цифровое общество» придумал комментатор журнала Wired в 1995 г. [10], хотя электронные устройства уже обрабатывали не цифры, а числовые, графические и лингвистические знаки в двоичной форме. Объектами информационного права остаются правоотношения независимо от того, какие используются информационные инструменты, в частности, программы (боты) или программно-физические устройства (роботы).

Известны метафоры LegalTech и LawTech [11], а также DigitalLaw (цифровое право, право цифровой среды), по поводу которого автор правильно отметила, что не надо их путать с цифровыми правами в ГК РФ и цифровой валютой.

Фраза «LegalTech» (юридическая технология) представляет собой метафоричное обозначение автоматизированного рабочего места профессионального юриста, которое может включать то, что называют «искусственный интеллект».

Фраза «LawTech» (правовая технология) представляет собой приложение для электронного устройства или онлайн услугу для

самообслуживания пользователей, не имеющих юридического образования, позволяющих им получить доступ к информирующим юридическим системам, в частности, содержащих нормативные правовые акты, юридические справочники, публикации и иные юридические сведения, например, типовые формы юридически значимых документов, а также к консультирующим юридическим системам, позволяющим составлять различные юридические документы.

Научно-технический прогресс сопровождается продуцированием новых продуцентов (стартапов), которые продуцируют инновации-разработки.

Об инновациях. Инновации – это роль нового продукта в виде разработки, а 90% инновационных продуктов не становятся массовыми (технологично продуцируемыми) товарными продуктами [12]. Затем массовый продукт массово будет утилизирован, за исключением музейных образцов архаичных продуктов.

Инновационные продукты не описываются с помощью архаичных слов, а для них придумываются, как правило, маркетинговые метафоры. К сожалению, многие инновационные продукты получают англоязычные названия, которые неудачно переводятся. Если же такие слова легализуются в законах или национальных стандартах, то исправить их становится очень сложно, но возможно.

Например, появился нормативный термин «цифровая инновация» вместо «цифровая технология»[3]: «2) цифровые инновации - новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые по направлениям, предусмотренным частью 2 статьи 1

[3] Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

настоящего Федерального закона, с применением технологий, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации, а по направлению, предусмотренному пунктом 4 части 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, Центральным банком Российской Федерации (далее - Банк России)».

Таким образом, то, что продуцируется в рамках цифровых инноваций, обозначили словами: продукт, процесс и метод (описание деятельности). Отметим, что в продуцентном подходе используется общенаучная категория продукта продуцирования продуцентом [13]. Категория продукта состоит из категорий отчуждаемого результата (продукции), неотчуждаемого процесса и/или элементов окружения продуцирования. При этом продукт может быть не только действительным, но и существующим в сознании как минимум одного человека и/или в виде отображения на материально-вещественном носителе. В частности, любой продукт может обладать носителем, формой и/или содержанием.

Метод деятельности, в том числе алгоритм функционирования, можно отнести к описанию действий, которое в общем виде можно называть процедурой, является результатом (составляющей продукта деятельности). Необходимо различать описание действия (операции) и действие как ход изменения чего-либо. В частности, процесс изменения необходимо рассматривать как неотчуждаемый продукт этого хода, например, получение образовательной услуги при платном образование, подразумевает обучение в виде участия в процессе взаимодействия обучаемого и обучающего (преподавателя). При этом, не каждый участник процесса обучения (получения, так называемой, «компетенции», ранее называемой знаниями) в полной мере (осознанно) извлекает содержание сведений, которые он должен получить при обучении как результат. Конечно, знания преподавателя в процессе обучения не отчуждаются от него.

Категория продукта может использоваться в рыночных отношениях как товарный продукт (товар, услуга или права на ОРИДиСИ). При этом категория

работы как категория товарного продукта представляет собой логическое сочетание категорий услуги и результата (продукции), т.к. процесс работы должен заканчиваться отчуждаемым результатом.

К сожалению, в вышеуказанном законе одиозная метафора «технология искусственного интеллекта» осталась. Метафоричность легальных и стандартных «понятий», как и метафоричное определение самого слова «понятие»[4], пока преобладает в глоссариях и терминологических стандартах в России.

О правовой категории «технология». Считается, что слово «технология» стал использовать Иоганн Бекман в 1772 г. для обозначения научной дисциплины, которую он читал в Геттингенском университете [14], поэтому обозначать функционирование продукта или системы этим словом не корректно.

Легальные и стандартные определения слова «технология» не выдерживают критики, т.к. с его помощью обозначаются не только стандартные массовые операции, но и все, что угодно. Фактически это слово представляет собой технократическую метафору, которую представители общественных наук стали использовать по своему усмотрению [15].

Например, «информационные технологии - процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов»[5].

Или калька с определения информационной технологии без раскрытия, чем она отличается от оригинала: «цифровые технологии — технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде» [16]. Необходимо говорить о высоко-технологичности продуцирования продуктов, в том числе, продуктов для высокотехнологичного продуцирования [17].

---

[4] ГОСТ Р ИСО 704-2010. Терминологическая работа. Принципы и методы.

[5] Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. N 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // СПС КонсультантПлюс.

В качестве примера абсурдного использования слова «технология» можно привести следующее: «IT-технология», которая расшифровывается как «информационная технология-технология»[6].

Терминологическая деятельность и деятельно по стандартизации являются важными для развития страны, т.к. та страна развивается быстрее, у которой более развита терминология и стандартизация. Оказалась, что от них зависит цифровая трансформация.

О терминологии. Подтверждением наличия терминологических вопросов в цифровой экономике является использование в Паспорте[7] архаичной и некорректной фразы «машиночитаемое право».

Многим людям нравится использовать полисемию слов, в частности, метафоры, т.к. повторение термина (слова в единственном значение, по крайней мере, в рамках одного текста), считается не соответствующим лингвистическим правилам. Хотя законы пишутся с помощью, так называемого юридического языка, в них часто встречаются метафоры, терминологические противоречия и пробелы.

Однако для функционирования программ в электронных устройствах необходима формализация значений слов, т.е. приписывание слову единственного значения с помощью дефиниции [18]. Поэтому создается терминология в виде глоссариев, терминологических словарей и стандартов.

Программистам требуются тезаурусы и информационные онтологии предметной (тематической) области, в которых нет противоречивых терминов или терминологических неопределенностей и пробелов.

---

[6] Приказ Минфина России от 29.11.2019 N 1592 «Об Основных направлениях развития аудиторской деятельности в Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС КонсультантПлюс.

[7] Паспорт Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

В документе[8] в Приложение № 1. Термины, определения, сокращения и аббревиатуры, имеются несколько дефиниций, на которых необходимо остановиться. В частности, легальное определение цифровых технологий приведено в виде списка современных технологий, очевидно, что эти наименования технологий взяты из перечня технологий в сфере цифровых инноваций[9]. Таким образом, можно считать, что термин «цифровые технологии» имеет дефиницию в виде: «цифровые инновации из перечня цифровых инноваций».

К сожалению, расшифровка термина «цифровая инновация» из Методических рекомендаций оказалась неудачной, в частности: «Цифровой продукт: Услуга, оказываемая исключительно посредством электронных устройств, не имеющая физического воплощения, для которой компания определяет характеристики (свойства), цену и целевую аудиторию», а «Цифровая услуга: Синоним «цифрового продукта»».

Отметим, что использование термина «продукт» привело к определению словосочетания «Продуктовоориентированный подход» в виде: «Подход, основанный на создании утилитарной ценности продукта, фокусирующийся на функциональных характеристиках и преимуществах продукта». Лучше такой подход называть продуцентным, т.к. важен продуцент, который продуцирует продукт.

В публикации [19] правильно было указано, что «большинство новых норм должно создаваться сразу в машиночитаемом виде или формате, совместимом с последующей автоматизацией», однако необходимо уточнить, что после трехлетней дискуссии по поводу электронного документа (его вида

---

[8] Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием. Одобрены на заседании Президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 6 ноября 2020 г. 55 с.

[9] Постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750. Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций // СПС КонсультантПлюс.

и формы), легальные термины и нормы лучше продуцировать в электронной форме, т.е. данных.

Однако начинать цифровизацию необходимо с глоссария, тезауруса и, онтологии и только за тем переходить к продуцированию программного продукта и базы данных. Причем этот продукт должен представлять собой сразу цифровую смарт-систему.

В публикации [20] было предложено обозначить словом «глотеон» объединение Глоссария, Тезауруса и Онтологии, а также плюс «кое-что еще».

Термины, используемые в предметной области для осуществления цифровой трансформации, должны быть оформлены в тезаурусы [21]. Слово «тезаурус» имеет несколько определений: энциклопедические или информационные. Для цифровой трансформации необходимо использовать термин «тезаурус» из информатики. Считается, что тезаурус должен содержать сопряженные понятия, термины и дефиниции. К сожалению, даже в национальном стандарте нет конструктивной дефиниции термина «понятие».

В соответствии с категорийным подходом [22] в информационной онтологии необходимо использовать не понятия или концепты, а общенаучные и предметные категории, где категория представляет собой характеристику рассматриваемого предмета, которая описывает его образ в виде составных и/или структурных свойств, а также объясняет его понятие в виде функциональных свойств. Поэтому в законах необходимы терминологические статьи с терминами и дефинициями, а не понятийные статьи с понятиями и определениями.

На наш взгляд, тезаурус должен содержать не понятия, а предметные категории, их обозначения-термины и дефиниции, а также обладать гиперссылками, отсутствием логических противоречий и терминологических пробелов.

На основе предметных тезаурусов формируются информационные онтологии предметных областей [23], в юриспруденции – отраслей права. Для

того, чтобы согласовать терминологии таких отраслей необходима мета-онтология [24].

Научно-технический прогресс приводит к необходимости развития современной терминологии, которая не должна как наука использовать архаичные слова, например, ЭВМ, «компьютер» (вычислитель), «машиночитаемая запись», а также слова из технократического сленга, например, «искусственный интеллект».

Выводы. Терминологические проблемы известны во всех предметных областях знания, в том числе, в законодательстве, в котором часто встречаются противоречивые и метафоричные определения или используются юридически значимые термины без их легальных дефиниций. Еще раз отметим, что юридическая наука является точной с точностью до термина. Осуществление цифровой трансформации невозможно без формализованной терминологии, тезаурусов и информационных онтологий предметных областей знания в отраслях права.

Наступило время «исправления имен», о котором говорили примерно 500 лет до н.э. Платон и Конфуций, т.е. именовать явления словами, адекватно обозначающими отображаемые явления.

Необходимо четко декларировать, что юридическая наука является точной с точностью до термина. Поэтому законодательство РФ должно содержать терминологические нормы с дефинициями легальных терминов. При этом не должны применяться юридически значимые термины без дефиниций.

Юридическая техника в рамках цифровой трансформации должна учитывать требования не только со стороны граждан по понятности содержания норм нормативных правовых актов, но со стороны алгоритмистов для формализации этих норм. Также современная юридическая техника должна учитывать, что языковая конструкция «и (или)», которую лучше обозначать «и/или», еще является логической конструкцией, обозначающей две логические функции.

Можно указать на два возможных подхода к цифровизации законодательства:

1) использовать устаревшие «фразы» обозначающие архаичные понятия из предметной области «информатика», которые имеют легальные определения, или только упомянуты в законодательстве, в том числе в технических регламентах или в национальных стандартах (ГОСТ Р);

2) провести ревизию легально установленной терминологии и создание глоссария, тезауруса и онтологии предметной области информационного права на основе разработанных требований информатики к этим продуктам.

Разница между этими подходами заключается в том, что первый подход замедлит цифровую трансформацию, потребует многочисленных исправлений недостатков используемых эвристик, а второй ускорит и создаст прочный аксиоматический фундамент.

Нет никаких правовых оснований вводить в научный оборот архаичную фразу «машинное право» или более модную «цифровое право», т.к. использование в законодательстве современной терминологии информатики, цифровых систем и смарт-продуктов как инструментов, не может быть основанием для образования отдельной отрасли права. К сожалению, в информационном праве до сих пор используются противоречивые определения используемых понятий.

Многие НПА и НТД, регулирующие и регламентирующие правоотношения и взаимодействие юридических субъектов, а также использование продукции, были приняты еще в СССР примерно 60-т лет тому на зад и стали архаикой. Современные инженеры уже используют совершенно другие метафоры, например, смарт (умные) устройства. Поэтому и у правоведов, разработчиков, в том числе гуманитарных, и стандартизаторов настало время «исправления имен».

Если для очного и/или документарного взаимодействия людей возможно использование многозначных слов, благодаря извлечению содержания из контекста, то для коммуникации электронных устройств при

цифровой трансформации необходима их логически обоснованная формализация.

Список ссылочных публикаций

1. Нестеров А.В. Еще раз о цитировании и самоцитировании в публикационной академической коммуникации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. Ч. 2. С. 731-735.

2. Нестеров А. В. О смарт-среде, смарт-поле и смарт-вселенной в смарт-обществе. М.: НИУ ВШЭ, препринт, январь 2016. 10 с.

3. Стандартопедия. URL: https://standartopedia.ru/wiki/ Стандартопедия (дата обращения: 23.12.2020).

4. Концепция развития технологий машиночитаемого права. URL: https://sk.ru/legal/automation-of-law/ (дата обращения: 23.12.2020).

5. Вашкевич А. М. Автоматизация права: право как электричество. М.: Симплоер, 2019. 256 с.

6. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в РегТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020 vol. 8, no.9, С. 59-69.

7. Нестеров А. В. Дискуссия «Машинизация права и юридизация машин». М.: Препринт март 2017. 6 с.

8. Розенблатт, Ф. Принципы нейродинамики: Перцептроны и теория механизмов мозга. [Principles of Neurodynamic: Perceptrons and the Theory of Brain Mechanisms]. М.: Мир, 1965. 480 с.

9. Рожкова М.А. Цифровое право (Digital Law) — что это такое и чем оно отличается от киберправа / интернет-права / компьютерного права? // Закон.ру (дата размещения: 15.03.2020). URL: https://zakon.ru/ blog/2020/3/15/cifrovoe_pravo_digital_law_chto_eto_takoe_i_chem_ono_otlichaetsya_ot_kiberpravainternet-pravakompy (дата обращения: 25.12.2020).

10. Being Digital (фундаментальная статья Николоса Негропонтэ по цифровой экономике за 1995 год, часть 2). URL: https://habr.com/ru/company/philtech/blog/354418/ (дата обращения: 25.12.2020).

11. Рожкова М.А. LegalTech и LawTech — что это такое и в чем их значимость для права? // Закон.ру (дата размещения: 14.02.2020) URL: https://zakon.ru/blog/2020/

02/14/legaltech_i_lawtech_%C2%A0chto_eto_takoe_i_v_chem_ih_znachimost_dlya_prava (дата обращения: 25.12.2020).

12. Нестеров А. В. Инновации: системный подход // Компетентность. 2007. № 6. С. 3-13.

13. Нестеров А. В. Продуцентный подход. М.: НИУ ВШЭ, препринт сентябрь 2015. 11 с. URL: https://nesterov.su/продуцентный-подход-нестеров-а-в/ (дата обращения: 25.12.2020).

14. Salomon J. What is Technology? The Issue of its origins and definitions // History of technology. 1984, v. 1.

15. Нестеров А. В. О научно-правовой категории технологии (препринт, июль, 2013-15 г.). М.: НИУ ВШЭ, 15 с. URL: www.nesterov.su (дата обращения: 25.12.2020).

16. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. Доклад подготовлен к пленарному заседанию «Цифровизация экономики и государственного управления: тренды, эффекты, риски, ресурсы», которое состоялось 10 апреля 2019 г. в рамках XX Апрельской Международной научной конференции НИУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

17. Нестеров А.В. Универсальный критерий уровня высоко-технологичности // Компетентность. 2019. №6. С. 4-10.

18. Нестеров А. В. О дефиниции "дефиниции" // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2010. № 6. С. 1-6.

19. Вашкевич А.М., Дуюнов А. Автоматизация права: Законодательство. Публичное правоприменение. Договоры и частноправовые нормы. Ограничения: Концепция. М.: Симплоер, 2019. 19 с.

20. Клюкин В. Э. Композиция ГЛОТЕОН: глоссарий + тезаурус + онтология // Наука и образование. (дата размещения: 9 сент. 2011). URL: http://technomag.edu.ru/doc/206071.html (дата обращения: 25.12.2020).

21. Понятие тезауруса. URL: nsu.ru›Электронный архив НГУ›…/412/Text_BimenovaZB.pdf (дата обращения: 25.12.2020).

22. Нестеров А. В. Категорийный подход (Препринт, Май 2013 г.). М.: НИУ ВШЭ. 12 с. URL: www.hse.ru (дата обращения: 25.12.2020).

23. Nesterov A.V. Digitalization of Society and the Economy: Systematization of Personal Data in Information Systems // Scientific and Technical Information Processing, 2020, Vol. 47, No. 2, pp. 133–138. [Nauchno-Tekhnicheskaya Informatsiya, Seriya 1: Organizatsiya i Metodika Informatsionnoi Raboty, 2020, No. 6, pp. 9–14.] DOI: 10.3103/S0147688220020124

24. Nesterov, A.V. (2019). On the Unification of the Conceptual Model of the Meta-Ontology. - Scientific and Technical Information Processing, 2019, Vol. 46, No. 1, pp. 34–37. [Nauchno-Tekhnicheskaya Informatsiya, Seriya 1: Organizatsiya i Metodika Informatsionnoi Raboty, 2019, No. 1, pp. 34–37]. DOI: 10.3103/S0147688219010106